

- Hobsbawm, E. (2000) The Invention of Tradition. *Vestnik Evrazii*. no. 1, pp. 47–62. (In Russ.).
- Horuju, S. S. (2015) Problematika riskov sovremennosti: kontseptual'nye osnovaniia i vedushchie podkhody. *Diogenes' Lantern: The Human Being in Diversity of Practice*, vol. 1, no. 1, p. 131–157. (In Russ.).
- Horuju, S. S. (2010) Praktiki sebja i dukhovnye praktiki: dve paradigmy neklassicheskoj antropologii. *Diogenes' lantern. A Synergetic Anthropology Project in the Modern Humanitarian Context*. Moscow: Progress-Traditsiia Publ. 928 p. (In Russ.).
- Horuju, S. S. (2008) Problema postcheloveka, ili Transformativnaya antropologiya glazami sinergijnoj antropologii. *Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 10–31.
- Horuju, S. S. (2005) Chelovek: sushchee, troyako razmykayushchee sebja [online]. Available at: URL: <http://synergia-isa.ru/lib/lib.htm> (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Einstein, A. (1965) *Physics and Reality: a collection of articles*. Moscow: Nauka Publ. 360 p. (In Russ.).
- Einstein, A. (2016) *The World As I See It*. Moscow: AST Publ. 200 p. (In Russ.).
- Eliade, M. (2000) *A History of Religious Ideas*. 2 vol. St. Petersburg: Aleteia Publ. 394 p. (In Russ.).

Submission date: 23.08.2025.

Елена Владимировна Гилл — кандидат философских наук, доцент Научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика», Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Адрес: 173014, Российская Федерация, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. Тел.: +7 (951) 721-02-53. Эл. адрес: novsu.maximova@mail.ru

Elena Vladimirovna Gill, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Scientific and Educational Center “Humanitarian Urban Studies”, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. Postal address: 41, Bolshaya Sankt. Petersburgskaya St., Veliky Novgorod, Russian Federation, 173014. Tel.: +7 (951) 721-02-53. E-mail: novsu.maximova@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.3.7

Проблема равенства в классическом французском либерализме

Часть I

Аристократический либерализм Бенжамена Констана

Г. Ю. КАНАРШ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Статья посвящена исследованию проблемы равенства в классическом французском либерализме первой четверти XIX в. По сути она является продолжением работ автора о равенстве, опубликованных ранее в журнале «Знание. Понимание. Умение» (2024. № 1, 2, 3). Однако данный текст имеет самостоятельное значение, поскольку посвящен важному идеологическому феномену, который знаменует собой этап становления поли-

тического проекта Современности. В первой части статьи анализируются взгляды на общество и политику Бенжамена Констана — известного французского мыслителя и политического деятеля, сделавшего ряд важнейших теоретических открытий, касающихся новых оснований политики в эпоху раннего модерна. Автор не только подробно анализирует идеи Констана, основываясь на его ключевых текстах, но и пытается показать значимость этих идей для современных государств, не исключая Россию. Полагаем, что некоторые ключевые положения политической доктрины Констана могут быть взяты в качестве важных ориентиров развития гражданского общества и формирования патриотизма в нашей стране.

Ключевые слова: классический французский либерализм; модерн; Великая французская революция; Констан; Токвиль; Гизо; аристократический либерализм; свобода; равенство

ВВЕДЕНИЕ

XIX столетие является важнейшим для становления современных концепций свободы и равенства — как по причине самого развития общественной, экономической и политической жизни (прежде всего становление современного капитализма), так и сопутствующего ему развития политической теории. Хорошо известна характеристика XIX столетия как «века идеологий», поскольку именно в этот период происходит окончательное формирование либерализма, консерватизма, социализма, а также начинается формирование национализма. И не случайно поэтому, что сами концепции свободы и равенства получают в этот период различное наполнение (подчас диаметрально противоположное), в зависимости не только от конкретной идеологии, но и от национальной специфики, а также позиции того или иного конкретного мыслителя. Так, в первой половине XIX в. можно выделить две основные национальные разновидности либерализма: английский и французский. При этом первый отличается (как ни странно) большим демократизмом и социальной направленностью (Бентам, Миль), тогда как второй — выраженной консервативной и аристократической направленностью (Констан, Гизо и даже Токвиль). В этот же период (конец XVIII — первая половина XIX в.) происходит формирование консервативной мысли, которая впервые представила важную альтернативу либерализму и «проекту Просвещения» в целом. Так, если классическая раннелиберальная мысль и политическая философия Просвещения основывались на идее господства Разума (рациональности) в общественной жизни, то консерватизм в его различных версиях (английской, французской, немецкой) впервые заговорил об *опосредованности* разума реальным опытом общественной жизни, а также историей и традицией. Соответственно, либеральной доктрине естественного права с ее статичностью и рационализмом была противопоставлена динамическая концепция истории и общественной жизни, из которой вытекали совершенно иные формы понимания равенства и свободы (а говоря точнее, представления о *естественной иерархии* прав и социальных положений людей в обществе). В это же время происходит и формирование социалистической доктрины современного типа (т. е. не утопического социализма, каким он был раньше, например, у Мора и Кампанеллы), а социализма, который стремится открыть действительные законы общественного развития и строит *принципиально иной тип утопии* — утопию-проект. Особенностью этого типа утопии является то, что такая утопия предполагает возможность и необходимость своего воплощения в общественной жизни государств (тогда как ранние социалистические утопии этого вовсе не предпо-

лагали, лишь обращая внимание и подчеркивая несовершенства актуального общественного и экономического устройства). Однако здесь важно отметить то, что, несмотря на определенное сущностное сходство с консерватизмом (модель общества как единого органического целого), социализм имеет гораздо больше общего с либерализмом и философией Просвещения, поскольку, как и они, полностью основывается на Разуме, рациональности (социалистические проекты рациональной переделки общественно-экономического устройства ради достижения «истинных», т. е. не абстрактных, а конкретных, равенства и свободы). Соответственно, социалистические доктрины этого периода, начиная с Сен-Симона, порождают собственное представление о равенстве, которые предполагают возможность и необходимость социальных различий, но таких, которые *не нарушали бы общую гармонию социального строя* (т. е. весьма и весьма умеренных).

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЯКОБИНСТВА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Важным направлением социальной и политической мысли первой четверти XIX в. стал классический французский либерализм, который, как и консервативная мысль, но на свой манер, со своих мировоззренческих позиций пытался осмыслить теорию и практику Великой французской революции, а также послереволюционные реалии. Как считали французские либералы, революция действительно была великим историческим событием, и она породила принципиально новое общество, однако при этом теоретики этого направления весьма критически относились к некоторым идеям (прежде всего Ж.-Ж. Руссо) и следующим из них практикам (прежде всего якобинская диктатура). Именно на этом сюжете — критике идеи народного суверенитета — в частности, была сосредоточена мысль Б. Констана.

Однако, прежде чем обратиться к анализу взглядов этого мыслителя, который по праву считается первым, кто в полной мере осмыслил характер современного общества и политики, следует хотя бы коротко сказать об *идеологии и практике якобинцев* — этих «большевиков» конца XVIII столетия (Плимак, Пантин, 2000), попытавшихся на поздних стадиях революции направить французское общество по совершенно определенному — и крайне радикальному — пути развития.

Определенная (и немаловажная) заслуга якобинцев заключалась в том, что они впервые увидели важнейший недостаток Французской революции и созданного ею нового общества: он, по их мнению, состоял в том, что, несмотря на важнейшие изменения в общественной и политической жизни (установление гражданских свобод, упразднение всех привилегий старого общества и абсолютистской власти монарха), в *самом социально-экономическом фундаменте общества ничего принципиально не изменилось*: оно по-прежнему делится на богатых и бедных, людей, обладающих собственностью и властью, и не обладающих ими. Данное обстоятельство, считают теоретики якобинства (Сен-Жюст, Робеспьер), фактически сводит на нет все основные завоевания революции (Сен-Жюст, 1995; Робеспьер, 1965).

Что же предлагают якобинцы для исправления ситуации? Они, следуя за своим кумиром Ж.-Ж. Руссо (см.: Канарш, 2024), предлагают построить добродетельное общество на античный манер, которое было бы единым и одновременно моральным, при этом сама добродетель понимается ими не как политическое (как у Монтескье), но как именно *моральное* качество. В конечном счете, все зависит от ис-

правления нравов, привносящего в жизнь общества требуемое единство, — полагают вслед за Руссо Сен-Жюст и Робеспьер (Сен-Жюст, 1995: 251–277; Робеспьер, 2023). Достигается же это созданием соответствующей системы законодательства, которая, в свою очередь, является продуктом общей воли народа.

Однако, как отмечает в своих работах М. М. Федорова (Федорова, 2005), пытаюсь следовать в своей теории и практике идеям Руссо, якобинцы во многом исказили эти идеи, что и привело в конечном счете к хорошо известной трагедии якобинской диктатуры и террора. Прежде всего, показывает Федорова, якобинцы принципиальным образом изменили понимание общей воли: в отличие от Руссо, для которого последняя была скорее регулятивной идеей в кантовском духе (Руссо, 1998), Сен-Жюст и Робеспьер стали трактовать общую волю как сугубо практический принцип, к тому же отождествив ее с волей всех. Это, в свою очередь, открыло дорогу к политическим манипуляциям, к стремлению управлять «общей волей», «очищать» ее от всего того, что не соответствует морали и справедливости, и, соответственно, проложило дорогу политическому террору.

С другой стороны, фундаментальной трансформации подверглось в доктрине якобинцев понимание свободы и равенства: от идеи гражданского (юридического) равенства, соответствующего либеральному смыслу свободы, якобинцы *прямо перешли к пониманию равенства как сугубо социального (имущественного) равенства*, потребовав если не упразднить частную собственность, то, во всяком случае, заняться ее прямым государственным регулированием, направленным на сокращение имущественного неравенства. При этом *трансформировалась и сама категория собственности*: из классического либерального понятия естественного права (т. е. естественного и неотчуждаемого права индивида, фундамента его свободы) собственность стала трактоваться как *общественное явление* (в противоположность владению, которое как раз рассматривалось как сугубое дело *частной* жизни). Таким образом, важнейшие понятия раннелиберальной доктрины, такие как свобода, равенство, собственность, стали рассматриваться якобинцами не как удел частной жизни (что и предполагалось либерализмом), нуждающийся лишь в поддержке и защите со стороны государства, но как сугубо *публичные* (политические) феномены, которые не принадлежат индивидам по праву, но лишь даются им Государством (которое, соответственно, и решает, что и в каком объеме предоставить своим гражданам). Отсюда — реализованный на практике якобинцами тоталитаризм общей воли, полное подчинение частной жизни индивидов задачам государства:

«Крайний индивидуализм Руссо, обусловленный его отказом от локковского морального закона и заменой его законом самосохранения, неизбежно приводил, как уже говорилось, к “полному отчуждению каждого члена со всеми своими правами в пользу всей общины”. Якобинство также помещает индивидуальное “я” под верховенство общей воли, стирая его собственно личностные характеристики, передает все средства управления, конструирования, манипулирования этим “я” в руки политика, действующего от имени всего общества. Поэтому весьма важная для Руссо тема подавления эгоистических частных страстей, порождающих частные же интересы, предстает у якобинцев в гипертрофированном виде подавления всего личного и индивидуального, что препятствует установлению морального единства общества. Начав с провозглашения святости личных прав и свобод, якобинцы придут к утверждению о том, что “все то, что сосредоточено в гнусном сло-

ве личное, возбуждает пристрастие к мелким делам и презрение к крупным, должно быть отброшено или подавлено”. Таким образом, в якобинстве взяла верх политическая концепция, основанная на волюнтаристском видении истории и политического процесса, видении, в соответствии с которым естественное право способно принести свои позитивные плоды лишь благодаря действию политической власти, в соответствии с которым права человека существуют только как права гражданина, а реализация свобод возможна только в государстве и с его помощью» (Федорова, 2005: 60).

Именно последнее положение (абсолютная необходимость государства, его всепроникающей власти для реализации естественных прав и свобод) стало главным предметом критики французских либералов, прежде всего Констана и Гизо, обусловив своеобразие их социальных и политических воззрений.

СОВРЕМЕННОСТЬ И НОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: КОНСТАН ПРОТИВ РУССО И ЯКОБИНЦЕВ

Таким образом, предметом осмысления классических французских либералов было соотношение принципов свободы и равенства (чью антиномичность в полной мере показала Французская революция), а также (и возможно) главным образом — соотношение идеи народного суверенитета и либерального принципа свободы. «В центр философских исканий выдвигается проблема соотношения индивида и политической целостности, воплощенной в руссоистском понятии “суверенитет народа”» (там же: 61).

И первым политическим теоретиком, который в полной мере осмыслил это соотношение, стал Бенжамен Констан.

Условно политические воззрения Констана можно разделить на две части: 1) его представления об эволюционном характере социального развития; 2) его учение о политических институтах, соответствующих современной фазе этого развития (эпохе становления капитализма и торжества личных, или гражданских, свобод). В целом же эти две части его политической доктрины неразрывно связаны (одна естественным образом следует из другой). Предваряя написанное далее, отметим сразу, что институциональная доктрина Констана получила в исследованиях название *аристократического либерализма*, однако при этом Констан, дистанцируясь от идеи народного суверенитета, одновременно дистанцируется и от классической концепции аристократического либерализма, представленной у Ш. Монтескье (если последний превозносил наследственные прерогативы дворянства как заслоны на пути к тирании, то Констан, напротив, считает, что наследственная знать сама может выступать жесточайшим тираном по отношению к народу (там же: 123)). Таким образом, аристократический либерализм Констана носит *переосмысленный и обновленный характер*, с тем чтобы соответствовать духу времени.

Однако почему это все-таки либерализм, хотя и аристократический? Дело в том, что для Констана личная свобода, независимость, представлялась важнейшей, если не самой главной ценностью, присущей Современности. При этом Констан понимал свободу как *непредзаданную априорно с точки зрения Блага* (что было характерно в том числе для раннелиберальных доктрин), но, напротив, как *способность каждого индивида самому определять, что есть Добро, а что Зло, самому выбирать собственную концепцию блага*¹. «В письмах к Белле де Шаррь-

ер... он (Констан. — Г. К.) высказывает сомнения относительно того, что кто-либо из смертных способен со всей определенностью установить, что есть Добродетель и Благо, а также свою готовность противиться всякому режиму, который бы претендовал на это. <...> Моральный индефферентизм выступает у него основой специфического отношения к личности и ее свободе. “Отсутствие свободы изменяет самый облик человечества”, — пишет он в одной из своих первых статей. Уже в ранний период свобода для него выступает не реализацией государством модели идеального человека или идеального общественного устройства, но предоставлением личности самого широкого выбора морального или общественно-политического поведения» (там же: 122).

В то же время почему Констан придерживается именно такой концепции свободы, почему он выступает с резкой критикой идеи народного суверенитета у Руссо и попыток ее воплощения якобинцами? Прежде всего, по причинам практического характера. Как мы уже сказали, Констан, как и другие французские либералы этого периода, с ужасом осознавал все трагические последствия Французской революции, хотя и в полной мере принимал то новое общество, которое эта революция создала. И его задачей (как и задачей Гизо, Токвиля (Гизо, 2000; Токвиль, 2000)) было осмыслить то новое общество, которое возникло в современную эпоху, и те политические институты, которые были бы наиболее пригодны для управления им.

Но в основе этого осмысления — совершенно иные методологические основания, нежели у ранних либералов (Локка, Гоббса, Руссо), с их концепцией естественного состояния и общественного договора. Констан не приемлет этих постулатов раннелиберальной теории, резко критикует их, а вместо них берет на вооружение просвещенческую концепцию совершенствования человека и социальной эволюции. Именно социальная эволюция, включающая эволюцию политических институтов и самой человеческой природы, определяет современную эпоху, ее специфику — полагает Констан.

И в чем же заключается эта специфика, особенность современной эпохи? В торжестве личной свободы, индивидуальной независимости — отвечает Констан. Прояснению именно этого вопроса посвящена его знаменитая лекция «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» (Констан: Электронный ресурс). В этой работе он показывает, как трансформировалось общественное и политическое устройство современных народов начиная с Античности. И если для древних греков и римлян свобода заключалась прежде всего в возможности (и обязанности) участия в делах государства (полиса) (при том что сфера частной жизни жестко регламентировалась государством), то современная свобода носит принципиально иной — не политический, а личный, *общественно-гражданский*, характер.

Прочитываем самого Констан: «Прежде всего, господа, зададимся вопросом, какой смысл в наши дни вкладывает в понятие свободы англичанин, француз или житель Соединенных Штатов Америки? Это право каждого подчиняться одним только законам, не быть подвергнутым ни дурному обращению, ни аресту, ни заключению, ни смертной казни вследствие произвола одного или нескольких индивидов. Это право каждого высказывать свое мнение, выбирать себе дело и заниматься им; распоряжаться своей собственностью, даже злоупотребляя ею; не испрашивать разрешения для своих передвижений и не отчитываться ни перед кем

в мотивах своих поступков. Это право каждого объединяться с другими индивидами либо для обсуждения своих интересов, либо для отправления культа, избранного им и его единомышленниками, либо просто для того, чтобы заполнить свои дни и часы соответственно своим наклонностям и фантазиям. Наконец, это право каждого влиять на осуществление правления либо путем назначения всех или некоторых чиновников, либо посредством представительства, петиций, запросов, которые власть в той или иной мере принуждена учитывать» (там же).

Совсем иной характер носила свобода у древних: «...последняя состояла в коллективном, но прямом осуществлении нескольких функций верховной власти, взятой в целом, — обсуждении в общественном месте вопросов войны и мира, заключении союзов с чужеземцами, голосовании законов, вынесении приговоров, проверки расходов и актов магистратов, их обнародовании, а также осуждению или оправданию их действий. Но одновременно со всем этим, что древние называли свободой, они допускали полное подчинение индивида авторитету сообщества, как совместимое с коллективной формой свободы. <...> *В делах, представляющих нам самыми ничтожными, авторитет общественного организма довлеет волей индивидов и угнетает ее*» (курсив мой. — Г. К.) (там же).

И яркая цитата чуть ниже по тексту: «...как говорит Кондорсе, люди античности не имели никакого понятия об индивидуальных правах. Они были *только машинами, ход которых направлялся законами*. Та же подчиненность характеризует и золотой век римской республики — индивид был в некотором роде растворен в нации, гражданин — в городе, полисе» (курсив мой. — Г. К.) (там же).

Что же повлияло на характер данной трансформации, почему общественная и политическая жизнь людей в нашу эпоху (эпоху модерна) так радикально отличается от обстоятельств жизни древних людей? На этот вопрос Констан дает достаточно простой и убедительный ответ. Мы бы сформулировали его суть так: в основе данной трансформации лежит изменение общественных условий бытия, и прежде всего, экономическая трансформация (ответ прямо по Марксу!). Так, если люди Античности жили в очень небольших и достаточно замкнутых сообществах (полисах), чьим основным уделом была война (с такими же соседними государствами), то жизнь современных обществ и государств принципиально иная: она подчинена уже не логике войны, но логике *коммерции и мира* (мирных отношений с другими подобными же государствами). Война, как говорит Констан, по-прежнему остается важным способом приобретения благ, однако гораздо более эффективным является не она, но, напротив, мирные торговые отношения между народами².

В Античности «торговля была счастливым исключением; это только сегодня она — обычное явление, единственная цель, всеобщая тенденция, подлинная жизнь наций. Последние желают мира, а вслед за миром — достатка и как его источника — производства. Война по-прежнему наиболее эффективное средство исполнения желаний. Но она не дает более ни индивидам, ни нациям тех прибылей, которые сравнимы с результатами мирного труда и регулярного обмена. У древних удачная война пополняла общественное и личные состояния рабами, данью, земель. У наших современников даже удачная война отнимает гораздо больше, чем дает»³ (там же).

Из этого важного обстоятельства, в свою очередь, следует, что люди сегодня в гораздо большей степени озабочены возможностью и гарантиями своей *личной*

свободы, нежели политической (как это было в Античности). Это связано с тем, что людям надо вести торговые и промышленные дела, у них совершенно нет времени на то, чтобы в ежедневном режиме заниматься политикой (да они и не хотят этого), кроме того, политика перестала представлять для них большой интерес, поскольку их реальное влияние на политические институты (каждого отдельного человека) сегодня практически ничтожно (по сравнению с Античностью). Соответственно нет и чувства удовлетворения и желания заниматься этой деятельностью, как нет и готовности приносить жертвы ради общественного блага.

Отсюда, по Констану, два важнейших принципа общественной и политической жизни Современности: *абсолютный приоритет личной свободы и система представительных институтов*, как наиболее соответствующая этим новым формам общественного бытия человека. «Из сказанного следует, что мы должны быть привязаны больше, чем древние, к нашей личной независимости. Древние, жертвуя этой независимостью ради политических прав, жертвовали меньшим ради достижения большего; мы же, идя на подобные жертвы, отдавали бы большее за меньшее. Целью древних было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это-то они и называли свободой. Цель наших современников — безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях» (там же).

Однако же Констан, будучи реалистом, вовсе не преуменьшает значение *политической* свободы: как мы сказали, он последовательно выступает за представительное правление, видя в нем одновременно гарантию личных прав (государство защищает, но никоим образом не вмешивается в частную жизнь индивидов) и институт, способствующий совершенствованию человеческой природы (хотя, казалось бы, в сосуществовании этих двух утверждений есть явное противоречие).

Так, с одной стороны, Констан говорит следующее: «...из сказанного, господа, вытекает необходимость представительной системы правления. Представительная система есть *не что иное, как организация, посредством которой нация перекладывает на нескольких индивидов то, что она не может или не хочет выполнить сама*. Бедняки сами занимаются своими делами, богатые же нанимают себе управляющих» (курсив мой. — Г. К.) (там же).

С другой стороны, из его рассуждений следует такой вывод: «...сможем ли мы быть счастливыми, благодаря нашим благам, если эти последние будут отделены от гарантий? И где мы найдем эти гарантии, если откажемся от политической свободы? Отказ от нее, господа, сродни намерениям безумца построить на песке дом без фундамента под тем предлогом, что он собирается жить только на втором этаже. Впрочем, господа, в самом деле счастье, каким бы оно ни было, являет собой единственную цель рода человеческого? В этом случае наше поприще оказалось бы слишком ограниченным и наше предназначение — чересчур приземленным. Вряд ли кто из нас захотел бы растрчивать попусту свои нравственные качества, опошляя желания, отказываясь от деятельности, славы, глубоких и благородных чувств, чтобы превратиться в животное и быть благодаря этому счастливым. Нет, господа, я призываю в свидетели лучшую часть нашей природы — это благородное беспокойство, преследующее и терзающее нас, это горячее стремление распространить наши познания и развить способности: *не к одному только счастью, а именно к совершенствованию влечет нас наша судьба. Политическая же свобода есть самое*

мощное, самое решительное средство совершенствования, ниспосланное нам небесами» (там же; курсив мой. — Г. К.).

Очевидно, что данное противоречие возникает из соответствующих, упомянутых ранее, методологических предпосылок, на которых строит свои рассуждения Констан: с одной стороны, идея социальной эволюции, обусловленной прежде всего изменениями в «способе производства», с другой стороны — чисто просвещенческая идея совершенствования человека. Поэтому позиция Констан относительно сочетания Свободы и Блага также *представляется противоречивой*: с одной стороны, он выступает за свободу, не детерминированную Благом; с другой же стороны, рассуждает как явный перфекционист (говоря современными словами, как сторонник «сильной» концепции Блага).

Однако для нас данный момент не носит принципиального характера, поскольку важны именно констановские представления о *характере современной эпохи* и его выводы относительно специфики общественной и политической жизни эпохи модерна.

Из всего сказанного ранее совершенно ясны и упреки, адресованные Констаном теоретикам Революции: прежде всего, Руссо и Мабли (последнего он особенно порицает за попытку навязать совершенно анахроничную идею тотальной регламентации частной сферы на древнегреческий или древнеегипетский манер). Как говорит Констан, эти мыслители не поняли *самого характера изменившейся эпохи*, а потому захотели дать своим современникам свободу на античный манер, отнеся ее сугубо к политической сфере. Отсюда — и все многочисленные злоупотребления Революции в отношении индивидуальных прав и свобод граждан (даже при их декларативном признании, чем особенно отличились якобинцы), трагедия якобинского террора. Поэтому только *представительное правление и система разделения властей* могут, по Констану, дать необходимые гарантии столь ценных им личных прав и свобод.

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ КОНСТАНА:

СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Как мы уже сказали ранее, в начале нашего анализа, политическая концепция Констан обозначается исследователями как «аристократический либерализм», однако значительно переосмысленный относительно аналогичной классической концепции Ш. Л. Монтескье (см.: Канарш, 2024; Монтескье, 1999). Констан, как и Монтескье до него, выступает за *введение конституционной монархии на английский манер*, однако с значительно меньшими прерогативами дворянства и аристократии в общественной жизни (впрочем, это не означает, что он отрицает их во все — он лишь предполагает ввести их в конституционные рамки).

Однако прежде чем сказать об институциональной системе, предлагаемой французским либералом, необходимо сказать нечто важное о том, как Констан представляет себе разграничение между гражданским обществом и государством. То, что такое разграничение существует (и должно существовать в нынешних условиях общественной жизни), ясно уже из сказанного о различном понимании свободы у древних и современных людей. Люди в современном обществе занимаются преимущественно коммерцией и торговлей и все меньше — политикой, из этого вытекает то, что общество начинает обладать все большей автономией по отношению к политическому, и политика — лишь представительство интересов этого самого

общества. На языке политической теории это означает, что, в противоположность классическим доктринам XVII–XVIII вв., общество *больше не нуждается во внешней по отношению к нему политической инстанции* — государстве, которое бы скрепляло, цементировало своей силой и авторитетом единство этого общества⁴.

Эту фундаментальную трансформацию М. М. Федорова комментирует так:

«Констан — и в этом его точка зрения сходится с утверждениями Гизо — предлагает отказаться от волюнтаристского мифа, в соответствии с которым общество может распасться, если не будет постоянно поддерживаться внешней по отношению к нему властью-причиной (не важно, воплощена ли она в монархическом или в демократическом правлении). Власть не может выступать в качестве причины социального, она, напротив, является его следствием. *Реальность нового зарождающегося общества принципиально иная, чем реальность общества старого порядка*: оно обладает собственным существованием, не во всем подвластным политическому решению; более того, политическая власть существует только через социальное: ведь индивиды вступают в отношения друг с другом не благодаря законам, но, напротив, законы представляют собой выражение предсуществующих им отношений. Таким образом, по Констану, смысл произошедшей революции сводится к возникновению нового типа социальности, что приводит к разделению собственно гражданской сферы и возникающей из ее недр политической инстанции» (курсив мой. — Г. К.) (Федорова, 2000: 12–13).

Думаем, это важнейшее теоретическое открытие Констанана важно и для понимания процессов политической модернизации в современном мире: например, для понимания трансформации политических режимов в незападных обществах. Хороший пример этого — политические системы Северной и Южной Кореи. Если первая (условно) существует как аналог общества старого порядка (будучи коммунистическим и тоталитарным), то вторая — яркий пример детерминации политического гражданским обществом в рамках либерально-демократического режима, что, в частности, наглядно показали события 2024 г., когда был отстранен от власти в результате импичмента президент Юн Сок Ёль. При этом действия парламента были широко поддержаны гражданским обществом Южной Кореи (массовые протесты против попытки президента вернуться к авторитарному правлению (введение чрезвычайного положения) под предлогом военной угрозы со стороны Южной Кореи). Подобные процессы характерны сегодня и для других стран — например, Ирана, Индонезии, Непала, многих латиноамериканских стран, Сербии, где оппозиция при поддержке гражданского общества проводит массовые протесты против коррупции и социально-экономической несправедливости (см., например: Непал остался ... , 2025: Электронный ресурс)⁵.

Однако существенный момент заключается в том, что, глубоко поняв характер нового общества и произошедшей трансформации, французские либералы еще не занимаются проблемами собственно гражданского общества: их больше занимает проблема отношения между обществом и государством. Конкретно: Констанана беспокоит возможность узурпации гражданской свободы со стороны политической власти. Именно в этом контексте он вводит в свою политическую теорию понятие кванта власти (т. е. необходимой доли политической власти, которая может и должна оставаться за государством).

«Когда установлено, что суверенитет народа не ограничен, в человеческом обществе создается и бросается наугад порция власти, которая сама по себе слишком

велика и представляет собою зло, в чьих бы руках она ни оказалась. Доверьте эту власть одному, или многим, или всем, — она равным образом будет злом. Вы будете упрекать носителей власти, вы будете поочередно обвинять монархию, аристократию, демократию, смешанные правления, представительную систему. Вы заблуждаетесь; следует обвинять *количество силы*, но не тех, кто ею обладает. Высказывать негодование следует против оружия, а не против руки, которая его держит. Существуют вещи, чересчур тяжелые для рук человеческих» (курсив мой. — Г. К.) (Констан, 2000: 27–28)

Именно это теоретическое положение лежит в основе концепции разделения властей, предлагаемой Констаном.

Однако прежде чем обратиться собственно к краткому анализу этой концепции, скажем важное в рамках исследуемой нами темы: на наш взгляд, было бы неправильно утверждать, что французский мыслитель выступает за свободу, но *против равенства*, как полагает, например, Т. Н. Самсонова (Самсонова, 2004: 117). Здесь Констан рассуждает как *подлинный либерал и полностью в духе воззрений своего времени*: он настаивает на необходимости *определенного типа равенства в общественной жизни* — равенства не социального (имущественного), а равенства гражданских прав.

«Никакая власть на земле не является безграничной — ни власть народа, ни власть людей, называющих себя его представителями, ни власть королей, под каким бы именем они ни правили, ни власть закона, который, в зависимости от формы правления являясь лишь выражением воли народа или государя, должен быть вписан в те же границы, что и власть, из которой он проистекает. Граждане обладают индивидуальными правами, не зависящими от любой социальной или политической власти, и всякая власть, нарушающая эти права, становится незаконной. *Правами граждан являются индивидуальная свобода, религиозная свобода, свобода мнения, в которую включена и гласность, пользование собственностью, гарантии против любого произвола. Никакая власть не может посягнуть на эти права, не нарушив при этом своих собственных оснований*» (курсив мой. — Г. К.) (Констан, 2000: 33).

Итак, правовое (гражданское) равенство есть единственный тип равенства, который достижим в рамках современного государства, полагает Констан⁶. И именно это равенство (и соответствующую ему свободу) и должна защищать устанавливаемая в государстве система конституционного правления. А она, как и у Монтескье, должна включать в себя три основные ветви власти: исполнительную, законодательную и судебную. При этом важно, что гарантом независимости и равновесия властей в государстве является *королевская власть*, которую Констан называет нейтральной и дает ей статус *верховой власти*, возвышающейся над всеми остальными властями и призванной таким образом ограничивать их.

«Конституционная монархия создает такую нейтральную власть в лице главы государства. Подлинный интерес главы государства заключается вовсе не в низвержении одной власти другой, но в их взаимопонимании, взаимной поддержке и согласных действиях. До сих пор в политических организациях различали лишь три вида власти. Я же различаю в конституционной монархии пять видов власти, обладающих различной природой: 1) королевская власть; 2) исполнительная власть; 3) устойчивая представительная власть; 4) представительная власть мнения; 5) судебная власть. Устойчивая представительная власть сосредоточена в ас-

самблее, формируемой на основе наследственного права; представительная власть мнения — в избираемой ассамблее; исполнительная власть доверена министрам; власть судебная — судам. Первые две власти издают законы, третья власть заботится об их общем исполнении, четвертая применяет законы к частным случаям. Королевская власть располагается среди всех этих четырех властей, но она выше их, обладает силой одновременно высшей и опосредующей, будучи при этом заинтересована не в нарушении равновесия, но, напротив, в его поддержании» (там же: 38–39).

Интересно, что Констан наделяет королевскую власть почти *божественными характеристиками и прерогативами*: она и свободна от всех страстей, присущих другим силам в государстве, она обладает прерогативами, которыми не обладает ни одна из других властей (право помилования, право даровать наследственные должности, право назначать министров, право распускать парламент, право награждать за заслуги перед государством). Поэтому неудивительно такое высказывание: «...наследный монарх может и должен быть освобожден от ответственности; это *совершенно особое существо*, находящееся на вершине всего здания» (курсив мой. — Г. К.) (там же: 44).

Однако не будем забывать, что Констан разрабатывает систему именно *конституционной монархии*, поэтому, несмотря на такой, почти божественный, статус монарха в его системе (возможно, отзвук эпохи абсолютизма), важнейшими прерогативами в рамках его системы обладают также другие ветви власти: исполнительная (правительство) и законодательная (власть парламента). При этом последний в его системе разделен, как уже было сказано, на две палаты: наследственную (аристократическую) и народную (выборную, палату мнений). При этом обе палаты чрезвычайно важны: первая охраняет и вводит в конституционные рамки наследственные прерогативы дворянства, вторая обеспечивает представительство интересов народа, без чего жизнь нации также не являлась бы устойчивой. При этом интересно, что Констан выступает за *максимальную демократизацию* процедуры назначения и избрания обеих палат: палата пэров может и должна регулярно обновляться за счет незнатных людей, которые награждаются этим титулом за свои заслуги; нижняя палата также предполагает *максимальную народную инициативу*: она не должна формироваться полностью ни специальными избирательными коллегиями, ни назначаться сенатом. Однако не нужно обманываться здесь: в палате представителей, по Констану, должны заседать преимущественно богатые (или по крайней мере, зажиточные) люди; избирательные права тоже должны предоставляться не всем, но лишь тем, кто имеет достаточно собственности для того, чтобы сохранять независимость от других (понятно, что пролетарии в этот разряд не входят при всем уважении к ним французского мыслителя). «Таким образом, — подытоживает Констан, — *необходимы условия собственности* — они необходимы как для избирателей, так и для избираемых» (курсив мой. — Г. К.) (там же: 78)⁷.

Таким образом, политическая система, предлагаемая Констаном, ни в коем случае *не является эгалитарной*: она предполагает высоко почитаемую королевскую власть; узаконенные прерогативы дворянства; абсолютное преимущество крупных собственников (прежде всего земельных) в избирательном праве (активном и пассивном). Это преимущество последних, по Констану, основывается на том, что поскольку именно крупные собственники обладают *материальной независимостью*

и свободным временем, постольку они обладают и наибольшей степенью политической добродетели, дающей моральное право на принятие важных государственных решений и издание законов. Констан, как и другие либералы его времени, боится масс, их *вероятного разрушительного воздействия на государство* (согласно Констану, люди из низов, не обладающие собственностью, попав в парламент, будут стремиться лишь к тому, чтобы отнять собственность у других, кто ею обладает, чего никак нельзя допустить).

Еще один ключевой элемент в политической системе Констана (системе разделения властей) — это наличие *муниципальной* (местной) власти. И хотя Констан в процитированном выше фрагменте не включает муниципальную власть в число основных ветвей власти, он тем не менее придает ей важное значение в политической системе государства. «Власть национальная, власть округа, власть общины должны оставаться каждая в своей сфере, и это подводит нас к истине, которую мы рассматриваем как фундаментальную» (там же: 126).

Что же это за истина? Она заключается в том, что муниципальная власть должна обладать *полной автономией* от центральной исполнительной власти, и эта автономия, с одной стороны, будет означать введение нового типа федерализма (не внешнего, а внутреннего), а с другой — будет всячески способствовать укреплению патриотизма.

«Патриотизм, рожденный в отдельных местностях, единственно истинный, в особенности в наше время. Повсеместно мы обнаруживаем пользование общественной жизнью; невозможно обнаружить только воспоминания и привычки. Поэтому *нужно привязать людей к той местности, которая предоставляет им воспоминания и привычки*, и для достижения этой цели в рамках их жилища, их общин, их округов людям нужно дать *столько политической самостоятельности, сколько можно, не нанося при этом ущерба общей связи*» (курсив мой. — Г. К.) (там же: 129).

Эта идея, высказанная Констаном, звучит удивительно современно: не случайно сегодня некоторые наиболее глубокие и проницательные исследователи пишут о необходимости укреплять гражданственность и общегражданскую идентичность именно *снизу*, в том числе в важнейшей степени со стороны этнических и национальных сообществ (см., например: Раджан, 2025). Это полностью согласуется с мыслью Констана: только такой патриотизм, который связан с *«духом места»*, с *историей и традициями определенной местности* (возможно, *добавим от себя, национального или этнического региона*), может лечь в основу общегражданского патриотизма. Если же вся политическая деятельность сосредоточена в центре, то это означает лишь то, что люди *будут оторваны от своих корней*, а следовательно, им будет мало дела до государственных интересов (которые, в свою очередь, представляют собой некий агрегат интересов «федеральных субъектов»).

Таким образом, в данном вопросе Констан выступает не только как либерал (федерализация), но и как *коммунитарист*, настаивая на необходимости предоставления *максимальной политической самостоятельности* местным сообществам, с их уникальной историей и традицией.

В целом же для Констана, как и для Монтескье, политическая система должна быть *максимально сбалансирована*: она должна учитывать интересы всех важнейших групп населения, включая местные сообщества. Только в этом случае, как

и показывает политическая практика Британской монархии (на которую ориентируется Констан), государство будет развиваться и одновременно сохранять стабильность. В рамках интересующего нас вопроса это предполагает *приоритет скорее практики над теорией*: в реальных политических делах нужно руководствоваться не абстрактными схемами (как это делали порицаемые Константином «геометры» — образованная интеллигенция эпохи Просвещения), но *реальными жизненными обстоятельствами и интересами*, неважно — предполагают они равенство или, наоборот, неравенство в том или ином вопросе. Единственное, что остается неизбылемым для Констана как либерала, — это юридическое (гражданское) равенство и система представительства, защищающие свободу. В остальном он как политический мыслитель руководствуется *«логикой Аристотеля», а не Платона* (умозрительное теоретизирование, приводящее в результате к глубоким кризисам и политическим пертурбациям). Именно в этом — основное достоинство французского консервативного либерализма первой трети XIX в.⁸

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

ИДЕИ КОНСТАНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В самом конце нашей статьи (точнее, ее первой части) сформулируем идеи, которые кажутся нам наиболее важными, исходя из анализа теоретического наследия Б. Констана.

Во-первых, это идея Современности как основанной на индивидуализме и сугубо личном интересе людей, чьи связи образуют общественное целое. Констан совершенно прав в том, что государства, основываясь на такой социальной онтологии (индивидуализм вместо коммунитаризма, приоритет экономических интересов вместо гражданских добродетелей), будут прежде всего налаживать торгово-экономические (а вместе с тем и политические) связи между собой, а значит, избегать войн. Именно это мы видим на протяжении всей истории европейского модерна, начиная с первой глобализации второй половины XIX в. (см.: Федотова, Колпаков, Федотова, 2008). И эту закономерность, несмотря на все сложности современной геополитики, наблюдаем сегодня, в том числе в отношениях двух политических и экономических гегемонов современности — США и Китая (Роуч, 2019).

Во-вторых, идея о приоритете гражданского общества перед государством, ясное понимание того факта, что государство модерна — это система власти, которая является полностью имманентной, а не трансцендентной (как в Античности и Средневековье) по отношению к сообществу граждан (подданных). Не власть определяет сообщество, а прямо наоборот — сообщество (или федерация таких сообществ) определяет власть, особенности ее устройства и функционирования в конкретном государстве. И этот тренд — постепенная, но неуклонная демократизация современных политических режимов в незападных странах, впервые описанный и проанализированный С. Хантингтоном в его известной книге (Хантингтон, 2003), — так же важен сегодня, как и тренд на прояснение собственных культурных и цивилизационных оснований национальными сообществами Запада и не-Запада, столь популярный и широко обсуждаемый сегодня⁹.

И в-третьих, идея о конституционном правлении как такой системе, которая одновременно основывается на принципах динамизма и стабильности, что нашло воплощение прежде всего в политической практике Британской монархии, а затем было глубоко теоретически осмыслено Ш. Монтескье и наследующими ему в этом

отношении либеральными и консервативными мыслителями конца XVIII — первой половины XIX в. При всей нашей симпатии к социал-демократическому типу политического режима (см.: Канарш, 2011), полагаем тем не менее, что «смешанный» тип государственного устройства, идущий от Аристотеля, через Монтескье, к современным консерваторам, представляет собой большую теоретическую и практическую ценность, не утратившую своего значения и в наше время¹⁰.

И в этом контексте особенно хотелось бы обратить внимание на идею Констан о независимости местной власти как необходимом условии общегражданского патриотизма — полагаем, что это именно то, понимания чего так не хватает в том числе в сегодняшней России, в рамках системы государственного управления которой ставятся взаимоисключающие цели: воспитание патриотизма и построение единой «вертикали власти», — инициатива, фактически ликвидирующая автономию местного самоуправления и тем самым делающая невозможной достижение первой из поставленных целей.

Поэтому главный вывод, который хотелось бы сделать (и одновременно дать совет политическим и экономическим властям в России и за рубежом): давайте учиться у классиков, прежде чем принимать те или иные политические или экономические решения. И прежде всего — у классиков, которые глубоко изучили не только теорию, но и *практический опыт* политической и экономической жизни в разных странах в различные исторические периоды¹¹. Именно это позволит избежать серьезных ошибок и просчетов, которыми изобилует история социально-экономической и политической модернизации в России и в зарубежных странах (не исключая США и Европы) в конце XX — начале XXI в. Именно к таким классикам в полной мере относятся Б. Констан и другие ключевые представители классического французского либерализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как удивительно современно это звучит, особенно в свете относительно недавних споров между либералами и коммунитаристами! (см.: Современный либерализм ... , 1998; Кимлика, 2010; Сэндел, 2013).

² Интересные рассуждения об этом: (Шумпетер, 2025).

³ Поэтому сегодня, несмотря на противостояние, ни США, ни Китай не заинтересованы в том, чтобы воевать друг с другом: гораздо важнее не геополитическое противостояние, а производство и торговля.

⁴ В качестве пояснения приведем пространную, но важную цитату из работы М. М. Федоровой: «Итак, Констан и Гизо идут разными путями — первый исходит из анализа только что свершившейся революции, второй — из реалий уже возникшего на ее основе нового общества, — но их выводы относительно соотношения гражданского общества и государства достаточно близки. Эти выводы французских либералов означали существенный поворот в развитии политической мысли, разделяющий две эпохи, два типа постановки проблемы человека и общества. Мы имеем здесь дело с решительным разрывом с теорией общественного договора как основным концептуальным средством развития политической теории от Гоббса до Руссо. В теории общественного договора, представлявшей собой основу интеллектуального развития политической мысли в рамках абсолютизма, политическая инстанция была органом, при помощи которого человеческое сообщество удерживалось в единстве. Идеальной моделью общества оставалась модель, основанная на полном и точном совпадении социального целого с принципом его организации. Элементы индивидуализма и социального представительства, имеющиеся в концепциях политических мыслителей XVII–XVIII веков, были связаны с их намерением восстановить в полной мере согласие меж-

ду индивидом и обществом; но эти элементы, характерные для политического мышления Нового времени, еще оставались включенными в старые рамки, структурированные фундаментальной зависимостью по отношению к внешней политической инстанции. Разрыв, осуществленный либералами начала XIX века, в принципе лишь перевел на язык теории то, что уже произошло в реальности: был разрушен идеал сообщества, находящегося в полном единстве со своей нормой; отныне каждый гражданин должен был сам определять свои цели, свою идею блага, сам распоряжаться своей жизнью; индивидуализм, превратившийся в практический принцип, разрушил схему однородного сообщества, преследующего единую цель» (Федорова, 2001: 13).

⁵ В теоретическом плане эти процессы были осмыслены в известной книге С. Хантингтона (Хантингтон, 2003).

⁶ В этом отношении Констан мыслит полностью в рамках раннелиберальной доктрины (как, например, Локк). Эволюция либерализма в последующие столетия, как известно, приведет к формированию новых идеологий, таких как социальный либерализм и социал-демократизм, где гражданская свобода и равенство социально-экономическое взаимно дополняют и обуславливают друг друга.

⁷ Думаем, что это очень важная идея, но в наших условиях — уже для среднего класса, обладающего всеобщими политическими правами. Для того чтобы политическая система была стабильной, необходимо, чтобы она опиралась на значительную прослойку людей, обладающих собственностью. А это и есть средний класс.

⁸ И вновь сошлемся на глубокое исследование М. М. Федоровой: «...основная задача, стоявшая перед либералами этого периода, носила одновременно теоретический и сугубо практический характер. Она состояла в завершении политического процесса, начало которому положила революция, и тем самым в предотвращении разрыва между утверждением свободы и развитием демократии, а также в создании прочных основ представительного правления и формировании политических институтов, способных выступить гарантом политической свободы. То была задача выработки не только новых концептуальных средств для осмысления новой исторической реальности, но и новых перспектив политического действия, задача не просто разработки теории, но и перевода ее в практический план. Речь шла о сокращении дистанции между ученым и политиком, поэтому и основные работы либеральных теоретиков в этот период по своему характеру, форме и стилю резко контрастируют с формой политического трактата XVIII в.: они носят ситуативный характер, сочетают в себе политическую рефлексию и накопленный опыт государственного управления. В каждой из них автор выступает одновременно и как политический теоретик, и как историк, и как человек, непосредственно вовлеченный в политическое действие» (курсив мой. — Г. К.) (Федорова, 2005: 61).

⁹ Думаем, что отношения между этими трендами носят не взаимоисключающий, а скорее взаимодополнительный характер, на что указывают работы зарубежных и отечественных авторов (см.: Закария, 2004; Мухаев, Прокопенко, 2025).

¹⁰ Полагаем, что сегодня, в условиях формирования нового (постиндустриального) социально-экономического уклада, данная идея может быть трансформирована с учетом становления новой социальной структуры общества, включающей в себя формирование новых общественных классов вместо традиционных классов и слоев индустриальной эпохи. Способствуя тем самым преодолению нарастающих общественных противоречий и достижению стабильного и справедливого общественного состояния (см.: Белл, 2004; Тоффлер, 2025; Флорида, 2011).

¹¹ Об этом глубоко рассуждает норвежский экономист Э. Райнерт в своей книге: (Райнерт, 2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл, Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia. 783, [3] с.

Гизо, Ф. (2000) Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм : сборник / пер. с фр. М. М. Федоровой. М. : РОССПЭН. 592 с. С. 507–588.

Закария, Ф. (2004) Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Ладомир. LIV, 326 с.

Канарш, Г. Ю. (2024) У истоков проблемы равенства. Часть III // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 120–140.

Канарш, Г. Ю. (2011) Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Кимлика, У. (2010) Современная политическая философия: Введение. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 592 с.

Констан, Б. (2000) Принципы политики // Классический французский либерализм : сборник / пер. с фр. М. М. Федоровой. М. : РОССПЭН. 592 с. С. 23–259.

Констан, Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/1993-2-Konstan-O_svobode.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

Монтескье, Ш. Л. де (1999) О духе законов / сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук. М. : Мысль. 672 с.

Мухаев, Р. Т., Прокопенко, Е. Е. (2025) Гримасы либеральной демократии: закат модели или провал инклюзивной консолидации? Часть II // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 164–181.

Непал остался без президента и премьера [Электронный ресурс]. URL: https://www.pg.ru/world/2025-09-09/1_9334_nepal.html (дата обращения: 15.09.2025).

Плимак, Е. Г., Пантин, И. К. (2000) Драма российских реформ и революций : (Сравнит.-полит. анализ). М. : Весь мир. 360 с.

Раджан, Р. (2025) Третья опора: Как рынки и государство пренебрегают сообществом / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд-во Института Гайдара. 488 с.

Райнерт, Э. С. (2023) Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. 9-е изд. М. : Высшая школа экономики. 384 с.

Робеспьер, М. (2023) «Свобода или смерть» // Марат, Ж.-П., Дантон Ж., Робеспьер, М. Свобода, равенство, братство. Как избавиться от тирании. М. : Родина. 200 с. С. 132–198.

Робеспьер, М. (1965) Избранные произведения : в 3 т. : пер. с фр. / изд. подгот. А. З. Манфред ; коммент. А. Е. Рогинской. М. : Наука.

Роуч, С. (2019) Несбалансированные. Созависимость Америки и Китая / пер. с англ. Ю. Каптуревского. М. : Изд-во Института Гайдара. 515, [2] с.

Руссо, Ж. Ж. (1998) Об общественном договоре : трактаты / вступ. ст. А. Филиппова и др. ; коммент. В. С. Алексеева-Попова, Л. В. Борщевского. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле. 414 с.

Самсонова, Т. Н. (2004) Проблема равенства в идеологии западноевропейского либерализма и консерватизма // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. № 3–4.

Сен-Жюст, Л. А. (1995) Речи. Трактаты : перевод / изд. подгот. А. В. Гордон и др. ; отв. ред. А. В. Гордон ; примеч. А. В. Гордона, Т. А. Черноверской ; Рос. АН. СПб. : Наука : Санкт-Петербург. изд. фирма. 472 с.

Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тэйлор, Уолдрон (1998) / сост. Л. Б. Макеева. М. : Прогресс-традиция, Дом интеллектуальной книги. 248 с.

Сэндел, М. (2013) Справедливость: Как поступать правильно? / пер. с англ. А. Калинина. М. : Манн, Иванов и Фербер. 338 с.

Токвиль, А. де (2000) Демократия в Америке / пер. с фр. ; предисл. Гарольда Дж. Ласки. М. : Весь мир. 560 с.

Тоффлер, Э. (2025) Третья волна. М. : АСТ, 672 с.

Федорова, М. (2004) Бенжамен Констан // Очерки истории западноевропейского либерализма (XVIII–XIX вв.). М. : ИФРАН. 226 с. С. 120–132.

Федорова, М. М. (2005) Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций. М. : ИФРАН. 190 с.

Федорова, М. М. (2001) Классическая политическая философия. М. : Весь мир. 219 с.

Федорова, М. М. (2000) Классический французский либерализм первой четверти XIX века // Классический французский либерализм : сборник / пер. с фр. М. М. Федоровой. М. : РОССПЭН. 592 с. С. 5–22.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации : социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция. 607 с.

Флорида, Р. (2011) Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. М. : Классика-XXI. 419, [3] с.

Хантингтон, С. (2003) Третья волна. Демократизация в конце XX века : пер. с англ. М. : РОССПЭН. 368 с.

Шумпетер, Й. (2025) Социология империализмов // Шумпетер, Й. Кризис налогового государства. Социология империализмов / пер. с нем. К. Лоцевского ; под науч. ред. Э. Сафронова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 216 с. С. 83–211.

Дата поступления: 16.09.2025 г.

ISSUE OF EQUALITY IN CLASSICAL FRENCH LIBERALISM

PART 1

ARISTOCRATIC LIBERALISM OF BENJAMIN CONSTANT

G. YU. KANARSH

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The paper considers the issue of equality in the classical French liberalism of the beginning and the first half of the 19th century. In its essence it continues the author's works on equality, published earlier in the journal "Znanie. Ponimanie. Umenie" ("Knowledge. Understanding. Skill") (2024. No. 1, 2, 3). However, the given text has an independent meaning since it is dedicated to an important ideological phenomenon, which signifies a stage of establishment of the political project of Modernity. The first part of the paper analyses the views on society and politics of Benjamin Constant — renowned French political thinker, who made a number of most important theoretical discoveries concerning new foundations of politics during the early modern period. Not only does the author carefully analyse Constant's ideas drawing upon his key texts, but he also attempts to show the significance of these ideas to modern countries including Russia. The author believes that some key provisions of Constant's political doctrine could be used as important landmarks of the development of civil society and formation of patriotism in our country.

Keywords: classic French liberalism; modern; French Revolution; Constant; Tocqueville; Guizot; aristocratic liberalism; freedom; equality

REFERENCES

Bell, D. (2004) *Griadushchee postindustrial'noe obsbchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniia* / ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Academia. 783, [3] p.

Gizo, F. (2000) Politicheskaia filosofii: o suverenitete. In: *Klassicheskie frantsuzskii liberalizm : sbornik* / transl. by M. M. Fedorova. Moscow, ROSSPEN. 592 p. P. 507–588.

Zakariia, F. (2004) *Budushchee svobody: neliberal'naiia demokratiia v SShA i za ikh predelami* / ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Lodomir. LIV, 326 p.

Kanarsh, G. Yu. (2024) U istokov problemy ravenstva. Chast' III. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 120–140.

- Kanarsh, G. Iu. (2011) *Sotsial'naiia spravedlivost': filosofskie kontseptsii i rossiiskaia situatsiia*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta.
- Kimlika, U. (2010) *Sovremennaiia politicheskaia filosofiiia: Vvedenie*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 592 p.
- Konstan, B. (2000) Printsipy politiki. In: *Klassicheskii frantsuzskii liberalizm: sbornik* / transl. by M. M. Fedorova. Moscow, ROSSPEN. 592 p. P. 23–259.
- Konstan, B. *O svobode u drevnikh v ee sravnenii so svobodoi u sovremennykh liudei* [online]. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/1993-2-Konstan-O_svobode.pdf (accessed: 15.09.2025).
- Montesk'e, Sh. L. de (1999) *O dukhe zakonov* / ed. by A. V. Mateshuk. Moscow, Mysl'. 672 p.
- Mukhaev, R. T., Prokopenko, E. E. (2025) Grimasy liberal'noi demokratii: zakat modeli ili proval inkluzivnoi konsolidatsii? Chast' II. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 164–181.
- Nepal octalsia bez prezidenta i prem'era [online]. Available at: https://www.ng.ru/world/2025-09-09/1_9334_nepal.html (accessed: 15.09.2025).
- Plimak, E. G., Pantin, I. K. (2000) *Drama rossiiskikh reform i revoliutsii: (Srvnit.-polit. analiz)*. Moscow, Ves' mir. 360 p.
- Radzhan, R. (2025) *Tret'ia opora: Kak rynki i gosudarstvo prenebregaiut soobshchestvom* / transl. by S. Moiseev. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara. 488 p.
- Rainert, E. S. (2023) *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostaiutsia bednymi*. 9 ed. Moscow, Vysshaia shkola ekonomiki. 384 p.
- Robesp'er, M. (2023) «Svoboda ili smert'». In: Marat, Zh.-P., Danton Zh., Robesp'er, M. *Svoboda, ravenstvo, bratstvo. Kak izbavit'sia ot tiranii*. Moscow, Rodina. 200 p. P. 132–198.
- Robesp'er, M. (1965) *Izbrannye proizvedeniia: v 3 t.: per. s fr.* / ed. by A. Z. Manfred; A. E. Roginskaya. Moscow, Nauka.
- Rouch, S. (2019) *Nesbalansirovannye. Sozavisimost' Ameriki i Kitaia* / transl. by Iu. Kapturevskiy. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara. 515, [2] p.
- Russo, Zh. Zh. (1998) *Ob obshestvennom dogovore: traktaty* / ed. by A. Filippov et al. Moscow, Kanon-press-Ts: Kuchko vo pole. 414 p.
- Samsonova, T. N. (2004) Problema ravenstva v ideologii zapadnoevropeiskogo liberalizma i konservatizma. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, no. 3–4.
- Sen-Zhiust, L. A. (1995) *Rechi. Traktaty: perevod* / ed. by A. V. Gordon. St.-Petersburg, Nauka. 472 p.
- Sovremennyi liberalizm: Rolz, Berlin, Dvorkin, Kimlika, Sendel, Teilor, Uoldron* (1998) / ed. by L. B. Makeeva. Moscow, Progress-traditsiia, Dom intellektual'noi knigi. 248 p.
- Sendel, M. (2013) *Spravedlivost': Kak postupat' pravil'no?* / ed. by A. Kalinin. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. 338 p.
- Tokvil', A. de (2000) *Demokratiia v Amerike* / transl. from French. Moscow, Ves' mir. 560 s.
- Toffler, E. (2025) *Tret'ia volna*. Moscow, AST, 672 p.
- Fedorova, M. M. (2004) Benzhamen Konstan. In: *Ocherki istorii zapadnoevropeiskogo liberalizma (XVIII–XIX vv.)*. Moscow, IFRAN. 226 p. P. 120–132.
- Fedorova, M. M. (2005) *Metamorfozy printsipov Prosveshcheniia v politicheskoi filosofii Frantsii epokhi burzhuanzykh revoliutsii*. Moscow, IFRAN. 190 p.
- Fedorova, M. M. (2001) *Klassicheskaiia politicheskaia filosofiiia*. Moscow, Ves' mir. 219 p.
- Fedorova, M. M. (2000) Klassicheskii frantsuzskii liberalizm pervoi chetverti XIX veka. In: *Klassicheskii frantsuzskii liberalizm: sbornik* / transl. from French by M. M. Fedorova. Moscow, ROSSPEN. 592 p. P. 5–22.
- Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A., Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii: sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnosbenii ekonomiki i obshestva*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 607 p.
- Florida, R. (2011) *Kreativnyi klass: liudi, kotorye meniaiut budushchee* / transl. by A. Konstantinov. Moscow, Klassika-XXI. 419, [3] p.

Khantington, S. (2003) *Tret'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka*. Moscow, ROSSPEN. 368 p.

Shumpeter, I. (2025) *Sotsiologiiia imperializmov*. In: Shumpeter, I. *Krizis nalogovogo gosudarstva. Sotsiologiiia imperializmov* / transl. by K. Loshchevskiy ; ed. by E. Safronov. Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki. 216 p. P. 83–211.

Submission date: 16.09.2025.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

Kanarsh Grigory Yuryevich, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: + 7 (495) 697-98-93. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.3.8

Телесность как философская категория в античной и средневековой философии

А. А. ИШУТИН

МОСКОВСКИЙ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «СИНЕРГИЯ»

Настоящая работа ставит своей целью выявить содержание концепции телесности в период Античности и Средневековья. Для достижения поставленной цели были применены сравнительный и исторический методы. Автор статьи подчеркивает, что на указанных исторических этапах было распространено убеждение о неразрывной связи тела и души, представляющих собой единую целостность. Так, в античном философском наследии, преимущественно представленном учениями Платона и Аристотеля, утверждается взаимозависимость телесного и душевного начал, где именно душа служит источником жизни и активности человеческого организма. В средневековую эпоху данная концепция получила дальнейшее развитие благодаря влиянию христианского богословия, которое также настаивало на единстве человеческой природы, включающей в себя как духовное, так и материальное начало. Обе культурные традиции уделяют особое внимание стремлению достичь гармоничного сосуществования тела и души.

Автор статьи приходит к выводу, что философское осмысление телесности углубляет наше понимание человеческого существования и открывает новые горизонты в изучении человека как многомерного существа, в котором тело играет центральную роль. В эпоху стремительно трансформирующейся реальности, когда традиционные физические рамки утрачивают свою четкость, исследование человеческой телесности сохраняет свое значение как для философской мысли, так и для множества смежных областей науки.

Ключевые слова: телесность; тело; душа; материя; постгуманизм; целостность